

Итальянские арии

Моск. консерватория — 1989 — 11 мая
БОРИС СТАЦЕНКО В АФИНАХ

СУДЬБА благосклонна к нему: он студент Московской консерватории и уже два года поет в Московском музыкальном камерном театре под руководством Бориса Александровича Покровского. А недавно стал лауреатом Международного конкурса имени Марии Каллас в Афинах.

У Бориса Стаценко обаятельная улыбка классического оперного героя. Однажды на конкурсе имени Глинка в Баку он был отмечен призом за артистизм. Вспоминает Борис о том времени с удовольствием. Представьте: в театре тогда готовилась премьера «Дон Жуана». Он приглашен на главную партию. А тут соблазн — вступить в турнирную схватку с другими певцами. Как должны были поступить молодой артист и его режиссер?

— Поезжай! — сказал Борис Александрович. — Но чтоб репетиции из-за тебя не срывались.

— Рискнул, — говорит Стаценко. — Утром отрепетировал и в аэропорт. В Баку самолетом. Отпел свое — и вновь в Москву.

Тут звонит мне концертмейстер и говорит, что я прошел на второй тур. И вновь Баку. Но туманы помешали приехать в Москву на новую репетицию... На третьем туре до победы мне не хватило 0,17 балла. Сказались непосильные нагрузки...

А тут Афины. Город встретил певцов мартовским теплом. Празднично среди уличной зелени оранжевели апельсины. Но искушаться было нельзя — дикие. Рядом с гостиницей, где расположились конкурсанты, — парк. Хорошо дышалось. И очень хотелось не ударить лицом в грязь. Жребия на 1-й тур не тянули — пели с буквы «П» по списку. Поэтому Борис пел одним из первых. По новым конкурсным правилам — соискатели премий на конкурсе имени Каллас обязаны были петь арии из опер Верди и Моцарта на языке оригинала. Таких среди наших русских певцов найти не так просто.

— Мы ведь никуда не ездим, — улыбается Борис. — Не поем. Правда, итальянский изучаем в консерватории. У меня уже были три партии на итальянском. Одна из них — ария Жермона из «Травиаты». Мне оказалось легче подготовить конкурсную программу. Словом, мне выпало счастье поехать в Грецию.

На первом туре он не испытывал страха — так, ребенок не знает, что его ожидает. Но прошел первый тур, он послушал своих соперников — и прижало волнение. Все баритоны, как и он. Соперничество ошутимое.

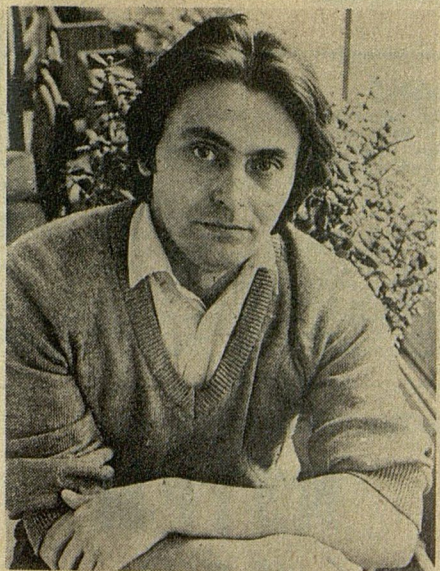
— Поют хорошо! И тогда наступил жуткий страх, — признается Стаценко. — Ну, думаю, все! Каждый день занимался, готовился. Сохранял душевное состояние — боялся его чем-нибудь сбить. Результатов ждали долго — до часу ночи. И вот итог: жюри решило мужским партиям первую премию не присуждать. Вторая досталась баритону из Южной Кореи Ю-Санг Чангу, третья вручена мне. На свою премию я купил маленький видеоманитофон — он необходим в работе: записываю себя, потом слушаю, и вновь за работу...

Театр тем временем уехал в Италию — повезли «Нос» Шостаковича и «Севильского цирюльника». Конечно, и Борису хотелось бы выступить на итальянской сцене, но ведь и Греция неплохо. Он свое еще догонит!

С театром под руководством Покровского он побывал в Югославии, ГДР, Чехословакии.

У Бориса семья: жена оканчивает музыкальное училище по классу фортепьяно. Дочке Саше — 4 года. Ее любимое желание — «петь, как папа».

У студента 5-го курса Б. Стаценко и

его семьи нет московской постоянной прописки. Они из Челябинска. Приходится снимать квартиру. Пока лауреату приходится тяжело.

— Я пою партию Гименея — бога бракосочетаний. И Дон Жуана — наказанного развратника. В этом двуединстве что-то есть. Я люблю своего героя. И прощаю ему его слабости. Хотя мои собственные нравственные принципы не совпадают с донжуанскими. Пока я однолюб...

Когда Покровский ставил «Дон Жуана», он предложил артисту сопровождать свои арии игрой на мандолине. А ведь вещь виртуознейшая. За 12 рублей Стаценко купил в советском магазине мандолину, взял ноты и три месяца «скреб струны», и вот партия — украшение репертуара молодого певца...

А тем временем продолжают студентские занятия в классе доцента Петра Ильича Скусниченко, лауреата пяти конкурсов вокалистов...

В АФИНАХ во втором туре он пел монолог Шелканова из «Бориса Годунова». Он был у Стаценко в середине программы. Зрительские аплодисменты полагались лишь в самом конце. А тут после Шелканова — тонкий женский крик «Браво», и публика взорвалась аплодисментами.

Пусть всегда будет так.

Наталья ДАРДЫКИНА.

Фото Александра АСТАФЬЕВА.